

Глава 1

Первые недоумения

Я смотрел на мальчиков и размышлял. Лукас молча писал, сдвинув брови, он еще сердился, а Врасидас, засунув руки в карманы, ходил туда-сюда, то садился, то вставал, свистел и напевал, крутился и вообще всем своим видом показывал, как ему весело. Но на самом деле ему было ужасно скучно. Я сонно следил за ним, приоткрывая то один глаз, то другой, и думал. Интересно, почему мне так не нравится Врасидас? Что в нем не так? Пухлые губы? Ленивая походка? Или глаза, которые никогда не смотрят прямо на собеседника? А может быть, яркие галстуки? Или напояженные волосы, прилипшие ко лбу? Или просто его непохожесть на двоюродного брата Лукаса?

Они совершенно не похожи. Лукас — гибкий, стройный, всегда немного задумчивый, с голубыми,

широко распахнутыми глазами, которые, кажется, смотрят тебе прямо в душу; коротко остриженные выющиеся волосы всегда зачесаны назад, лоб открыт. Врасидас на год старше, толстый, рыхлый, изнеженный, болтун и сплетник. Но мне-то какое до всего этого дело? Почему меня это так волнует? Почему от одного его присутствия мне становится так плохо, что я не могу отвести от него глаз? Время шло, Лукас все писал. Наконец Врасидасу стало совсем скучно, он подошел к брату и решительно сказал:

— Ну давай уже заканчивай с уроками, пойдем гулять в сад.

— Иди один, — ответил ему Лукас. — Я с тобой играть не буду.

— Эй, приятель, что ты такое говоришь?! — возмутился Врасидас.

Лукас вскочил. «Ну, сейчас ему достанется», — подумал я и немножко обрадовался, ведь я знал, что Лукас, хоть он и младше на год, сможет отлупить Врасидаса. Но тут он опомнился и снова уселся за тетради.

— Я не дружу с теми, кто бранится, — сказал Лукас. Врасидас засмеялся.

— А тебе-то какое дело, что я говорю про Василиса? — спросил он.

— Я люблю Василиса. И не готов мириться с тем, что ты называешь его животным.

От этих слов мне стало так больно, как будто меня огрели палкой.

— Но я же не говорил ему этого в лицо, — стал оправдываться Врасидас.

— Тем хуже. Ты боишься сказать ему это в лицо и потому ругаешься у него за спиной.

— Пффф... — фыркнул Врасидас. — Он просто тупой слуга.

На этот раз Лукас не сдержался и бросился на него. Но Врасидас, знакомый с кулаками Лукаса, не стал дожидаться драки. Одним прыжком он оказался у двери, кубарем скатился по ступенькам и исчез, оставив свою шляпу.

Вообще-то я должен был наброситься на шляпу и разодрать ее зубами в клочья. Но от всей этой перепалки я так загрустил, что даже не двинулся с места. И пока Лукас снова что-то писал в своей тетради, я положил голову на лапы и погрузился в размышления. Как бы ни любил я Лукаса и как бы ни противен был мне Врасидас, сейчас я не мог встать на сторону своего любимого человека. Вот послушайте историю их ссоры. Врасидас хотел сорвать большую гроздь незрелых бананов с одного из банановых деревьев. Но садовник Василис ему запретил. Он сказал, что они еще совсем зеленые, что сначала должны пожелтеть бананы в верхнем ряду, и только тогда можно будет сорвать всю гроздь и положить ее на соломку дозревать. Но Врасидас не сдавался. Он злился и упорствовал. И как только Василис повернулся к нему спиной, он назвал его животным. На это уже разозлился Лукас, и братья поссорились. Хотя я и сильно недолюбливаю Врасидаса, в этот раз, по-моему, неправ оказался именно Лукас.

Тогда меня впервые ранили и даже оскорбили человеческие предрассудки. Потом уж я много

слышал несправедливых слов. Но в тот раз мне было очень больно, та история сильно меня расстроила. Люди часто называют других людей животными, скотами, четвероногими, чтобы оскорбить их, чтобы пренебрежительно сказать, что они не думают, не чувствуют, не имеют никакого разума и никаких эмоций. Тогда я это услышал впервые и часто слышу сейчас. Но все никак не привыкну.

Почему это так оскорбительно — называть кого-то животным? Почему унижительно быть четвероногим? Может быть, число ног как-то связано с достоинством живого существа? Почему это мы не умеем чувствовать, не имеем разума, не можем любить? Разве нам не бывает так же больно, как людям, или даже еще больнее?

Вот какие мысли мучили меня в тот день; и именно тогда я решил рассказать вам несколько историй из моей жизни, чтобы вы не только поняли, какие вы, люди, несправедливые, но и убедились, что это вы на самом деле низшие создания по сравнению с нами, потому что вы не способны нас понимать, а мы вас всегда понимаем по одному вашему взгляду, одному движению, даже просто по интонации, и не важно, на каком языке вы говорите.

Глава 2

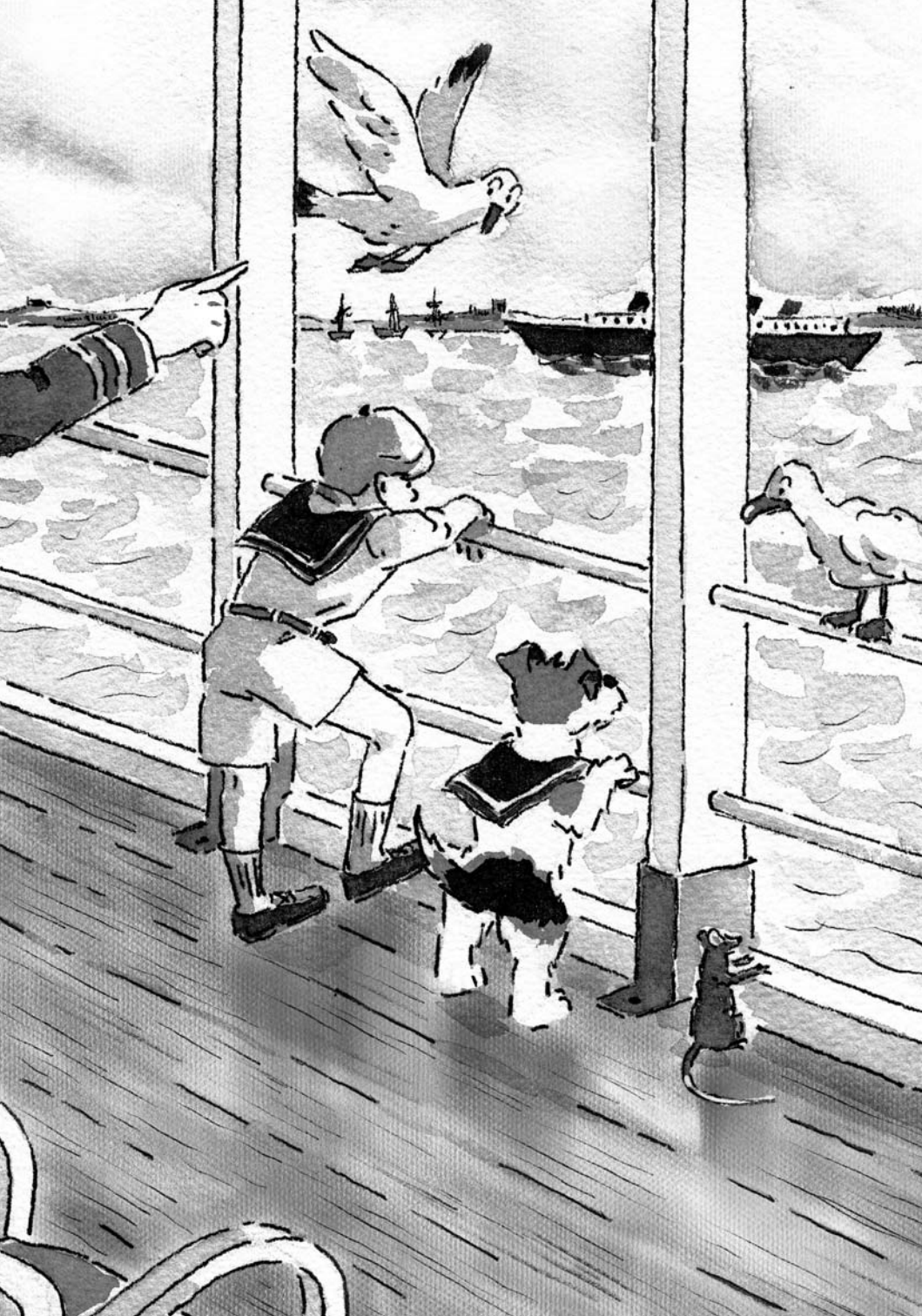
Белые тряпки и черные ноги

Самые ранние ясные воспоминания сохранились у меня от первого в жизни путешествия. Я провел лето в Кифисье (это такой загородный район недалеко от большого города под названием Афины) и впервые ехал в Александрию, где жил мой хозяин.

Тогда я ничего не знал про Египет. До этого путешествия я знал только один сад в Кифисье, где было много деревьев и цветы, цветы, цветы. Я был еще совсем маленьким, когда (не знаю, кто) подарил меня моим хозяевам. А как вы и сами знаете, впечатления в этом возрасте проходят у нас, как и у вас, совершенно бесследно.

Впервые оказался я на пароходе. От моря сильно пахло, ветер завывал, а в трюме было полно крыс.

Какая радость для маленькой собаки спрятаться среди ящиков и сундуков и одним прыжком ловить крыс, толстых, как кролики!

На пароходе плыла вся семья. Лучше всего я был знаком с Лукасом и двойняшками, Анной и Лизой, — тремя младшими детьми моего хозяина. Они часто приходили играть со мной у ограды сада в Кифисье, где жил слуга Сотирис и где была моя будка. Само-го хозяина я почти не знал. Он вернулся из какой-то поездки накануне нашего отплытия из Кифисьи со своим старшим сыном, Мицосом. Что до обеих хозяек, госпожи Васиотакис и Евы, ее старшей дочери, которой было пятнадцать и которая уже не одобряла никакие игры, с ними я тоже был едва знаком. Они редко навещали мой уголок сада, и ласки от них было не дожидаться.

На пароходе было очень весело. Столько пассажиров, и со всеми я сумел подружиться. Только с одной девушкой, красивой голубоглазой англичанкой, дело у нас не заладилось с самого начала. Но это не моя вина!

Она сидела на брезентовом стуле рядом с Мицосом и о чем-то с ним разговаривала. В опущенной руке она держала какую-то белую тряпочку, и, когда она говорила, рука ее медленно качалась взад-вперед, что, конечно, пробудило во мне охотничьи инстинкты. Я приподнял голову и наострил уши. Тряпочка продолжала качаться туда-сюда, она как будто говорила мне:

— А ты меня не поймашь, не поймашь, не поймашь, не...

— Ах, так?! — закричал я.

Одним прыжком я подскочил к руке англичанки, выхватил тряпочку, потряс ее хорошенько, чтобы выбить из нее весь дух, и, зажав ее лапами, стал рвать зубами, так что из одной тряпочки получилось три. Я и вообразить себе не мог, какая суета поднимется из-за одной растерзанной тряпицы! Девушка начала кричать так, будто я ее чем-то обидел, говорила, что я порвал ее кружевной платочек! Мицос, Лукас, господин Васиотакис и двойняшки — все вскочили и стали кричать:

— Пират! Пират!

Я не знал, кого слушать, к кому бежать. Госпожа Васиотакис все повторяла, что собак нужно держать в конуре. И только Ева не шевельнулась: она сидела в раскладном кресле и от души смеялась. Я остановился, пытаюсь понять, как сделать приятно сразу всем, как побежать ко всем одновременно, тогда-то меня и схватил Мицос и отлупил. Было не очень больно. Парочка ударов по спине — даже и говорить не о чем. Но вот что сильно пострадало, так это моя гордость, ведь я тогда еще почти не знал Мицоса, и мне было сложно стерпеть от него такие вольности. Я рассердился. Обиженный на всех, я отказался идти к голубоглазой англичанке, которая, раскаявшись, теперь тоже звала меня. Мне не нравятся люди, которые вмешиваются в чужие дела, и я был намерен всем это показать. Поджав хвост, я ушел от них и спустился в трюм, где отыгрался на крысах. Как только они высовывались, я сразу на них набрасывался. Так я наказал глупую девчонку, из-за которой вышло столько шума.

Ночью у нас была остановка в каком-то порту. Лодки с криками и шумом сновали туда-сюда, кто-то сходил на берег, кто-то поднимался на борт, но моих хозяев не было видно. Только Мицос вышел на палубу и завел разговор с лодочником, дядюшкой Ламбросом. Он спрашивал о каком-то своем дяде, капитане Манолисе, и о своем двоюродном брате Периклисе, который жил вместе с этим капитаном Манолисом. Дядюшка Ламброс отвечал, что у них в Ираклионе все хорошо, что бабушка здорова и что все просили передать привет, но они уже старенькие, а Периклис — маленький, потому и не смогли приехать ночью повидаться с моими хозяевами. Мне было неинтересно слушать их беседу, ведь я не знал никого из тех, о ком шла речь, а потому я просто смотрел вокруг и прислушивался к другим разговорам.

Порт назывался Суда, а эта местность — Крит. Малая родина моего хозяина. Он говорит, что это остров, то есть большой кусок земли, окруженный водой. Но я не обходил его вокруг, так что ручаться не могу. Мне нравится говорить только о том, что я сам видел. Мы отплыли еще до рассвета, а на следующий день, тоже перед рассветом, увидели на горизонте желтую полосу, по которой были разбросаны большие камни. Когда мы подошли ближе, я понял, что полоска — это земля, а камни — дома и ветряные мельницы. Потом я увидел мачты и множество кораблей, потом черные горы угля, белые горы мешков, желтые горы досок, сложенные у самого берега. Потом различил уже и людей, которые

ходили туда-сюда. Только вот ни одного дерева я не заметил. Это и была Александрия. Мы прибыли.

Но судьбой мне было предназначено, чтобы это путешествие не кончилось ничем хорошим. Корабль подошел к берегу, мы бросили якорь. Я с удивлением смотрел на большую волну из белых одежд и черных голов, которая затопила деревянный трап и заполнила корабль.

Я раньше никогда не видел и не слышал черных людей. И вот они толпой поднимались ко мне, ругались и кричали. На них были странные длинные рубашки, грязные и залатанные, у одних белые, у других выкрашенные в синий или черный цвет, которые называются «галабеи». Чтобы рубашки не мешали им быстро взбираться вверх, они придерживали их зубами, так что открывались их широкие штаны и длинные, черные, голые лодыжки. Нужно вам сказать, что еще в те времена, когда я был щенком, во мне зародилась ужасная и непобедимая ненависть к голым ногам. Но я впервые видел их так много сразу, да к тому же они были черными. Мне стало так плохо, что и словами не описать, я начал прыгать и лаять от волнения. И в этот момент прибежал какой-то босоногий одноглазый мужчина, расталкивая и распикивая всех остальных. Он схватил чемодан Евы, сумку госпожи Васиотакис, а потом нагнулся, чтобы забрать и остальную нашу поклажу. Это было последней каплей!

Я залаял и бросился на голые ноги этого черного человека, который закричал и запрыгнул на лавку. Я за ним. Схватил его за галабею, стал тянуть

и рвать. Что случилось потом, я так и не понял. Послышался сильный грохот, я пролетел по воздуху и оказался внизу, среди чемоданов, все четыре мои лапы дергались и сражались друг с другом. У меня кружилась голова, но галабею из пасти я все-таки не выпустил. Меня оглушили крики. Кто-то тянул меня, бил... Но мой черный враг сбежал — оставив у меня в зубах кусок ткани, он вприпрыжку спустился по трапу. Я бросился за ним. Мне нужны были его голые ноги. «Носи обувь, носи обувь», — лаял я ему вслед, а потом сумел снова ухватить за подол.

Галабея быстро превратилась в лохмотья, как до этого кружевной платок голубоглазой девицы, и тогда я накинулся на его шаровары. Человек с ужасом смотрел на меня своим единственным глазом, а потом, подняв руки, закричал «Африт! Африт!», что означает «Злой дух! Злой дух!». Такой большой мужчина испугался такого малыша, как я!

И если бы тут не подоспел Мицос, то шаровары постигла бы участь галабеи. От удара по носу я разинул рот, и черный человек избежал расправы.

Мицос схватил меня за ошейник и потащил обратно. Он пару раз ударил меня по спине и привязал на поводок, а его мать расстроено качала головой и приговаривала:

— Ну что же это за пес такой?! Дикое животное! Осторожно, Христос, смотри, как бы он и на тебя не напал! — сказала она молодому человеку, который стоял рядом с ней и улыбался.

— Не бойся, — ответил юноша, — он меня хорошо знает, мы с ним старые друзья. Правда, Пайрэт?

Я посмотрел на него, но ничего не понял. С кем он разговаривает? Он смотрел на меня, но я-то совершенно его не знал.

— Этот песик хорошей породы, молодец, что выbral его, Христос, — сказал Мицос. — Он принял носильщика за вора и набросился на него. Это должно тебя радовать, матушка. Теперь ты не будешь волноваться, ведь у нас дома будет хороший сторож.

Мне очень польстили слова Мицоса, так сильно, что я не обратил внимания на дальнейший разговор и не пошел вслед за хозяином, который спустился на пристань вместе с хозяйкой, Евой и этим незнакомым Христом. Все они сели в прекрасный экипаж, запряженный двумя большими лошадьми, с одетым в белое кучером, и уехали. Я и представить себе не мог, что я — хорошей породы. Но так сказал Мицос, а Мицос все знает, ведь у него усы и вообще он такой красивый юноша. Раздувшись от гордости, я разрешил ему спустить меня на набережную, посадить в другой экипаж, куда он сел с младшими братьями и сестрами, и отвезти меня, куда ему было угодно. Мне было достаточно того, что меня нес Мицос, и я был очень доволен собой.

Вот так я впервые познакомился с человеческим обществом. Но тогда я еще ничего не знал о мирской суете.